

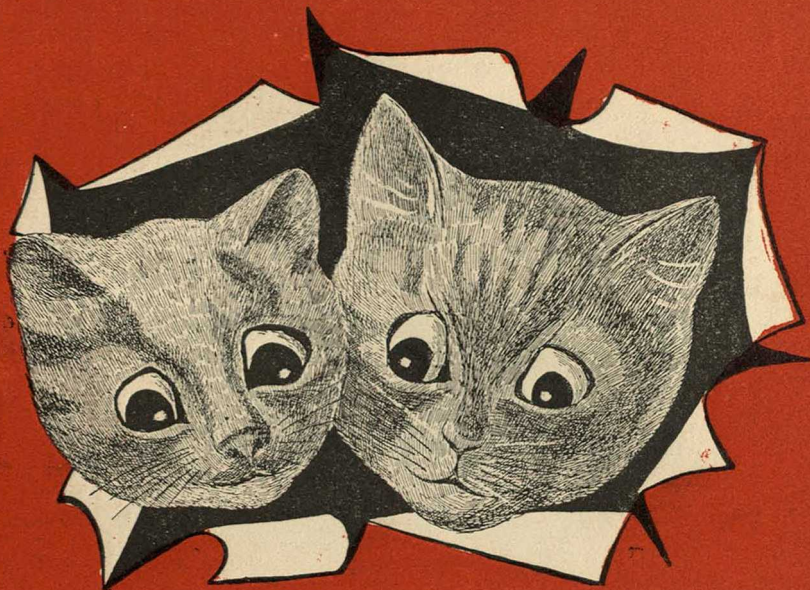
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

УЖЕ СЕНТЯБРЬ.
ЗАПИСКИ ВОРОБЬЯ.
СОЛОВЕЙ и СВѢТЛЯЧОКЪ.
ЧЕТВЕРО (повѣсть).
ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.
ГОЛОВОЛОМКИ. РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ гусѣкъ.
«Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—листъ 12-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Горилла въ неволѣ.

УЖЕ СЕНТЯБРЬ.

Уже Сентябрь!.. Какъ стало пусто
Въ лѣсу, на полѣ и въ садахъ!
Одна лишь бѣлая капуста
Еще осталась на грядкахъ...

Стоять все красными осинки
Шуршитъ опавшій желтый листъ,
Но воздухъ свѣжъ еще и чистъ
И всюду вьются паутинки.

Еще вчера на югъ летѣли
Съ печальнымъ крикомъ журавли,
Но вотъ пройдутъ еще недѣли,—
И къ намъ изъ сумрачной дали

Нагрянутъ дождь и непогода
И будетъ буйный вѣтеръ выть...
Тогда-то бѣдная природа
Печально будетъ слезы лить!

Ирись.

ЗАПИСКИ ВОРОБЬЯ.

(Окончаніе).

Не безъ приключеній по дорогѣ я летѣлъ на югъ, изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, и вотъ наконецъ въ туманной дали передо мной сверкнуло Черное море. Какимъ тяжкимъ трудомъ я заработалъ себѣ это мое право видѣть море! Широкое, безграничное, оно развернулось передо мною изъ края въ край и манило меня къ себѣ своимъ просторомъ. Какъ дорого я заплатилъ, чтобы увидѣть этотъ просторъ! По дорогѣ я чуть-было не попался въ лапы къ кошкѣ, но, къ счастью, вырвался отъ нея и улетѣлъ: пришлось оставить у нея въ когтяхъ весь свой хвостъ, которымъ я такъ гордился и кото-

рымъ такъ былъ похожъ на своего отца.

Кургузый, безъ хвоста, ставшій сразу какимъ-то некрасивымъ и коротенькимъ, я почувствовалъ стыдъ и рѣшилъ удалиться куда-нибудь, пока не отростетъ снова мой хвостъ. Ровно черезъ мѣсяць онъ выросъ вновь.

Въ Одессѣ я сѣлъ на большой корабль и думалъ, что все мои мытарства теперь уже кончились и что я могу теперь свободно отправиться въ далекій путь. Я пригнулся на высокой мачтѣ и съ любопытствомъ сталъ наблюдать то, что происходило внизу. Отшель одинъ пароходъ, затѣмъ дру-

гой, а потомъ закачался по волнамъ и нашъ.

„Я погляжу сперва на море съ моей мачты, думалъ я,—и если не будетъ страшно, то полечу черезъ него самъ“.

Но пароходъ плылъ уже вторые сутки, а я все еще никакъ не могъ рѣшиться покинуть свою мачту и мнѣ было страшно, что со всѣхъ сторонъ меня окружала вода и нигдѣ не было видно земли. Все обстояло довольно хорошо: я собиралъ то тутъ, то тамъ крошки хлѣба, которыя теряли пассажиры. Ихъ хватало на меня вполне и я уже поздравлялъ себя съ тѣмъ, что на меня никто не обращалъ вниманія, какъ вдругъ—о, ужасъ!—кто-то сказалъ:—

— Гляди, Игнаша,—воробей!

Я тотчасъ-же улетѣлъ на свою мачту и оттуда замѣтилъ двухъ мальчиковъ, смотрѣвшихъ на меня съ завистью и все время указывавшихъ на меня матери.

— Мама, сказала одинъ изъ нихъ.—Я хочу, чтобы его поймали и отдали мнѣ, и мы повеземъ его на Дальній востокъ. Это будетъ намъ воспоминаніемъ о Россіи.

Дама улыбнулась и подозвала къ себѣ проходившаго мимо матроса.

— Дѣти очень хотятъ поймать этого воробья, сказала она,—не можете-ли вы достать его?

Матросъ поднялъ голову.

— Скажите, пожалуйста! всплеснулъ онъ руками.—Ну, какъ онъ

могъ сюда забраться! Должно быть сѣлъ еще на берегу. Вѣдь воробьи черезъ море не перелетаютъ! Подождите, сударыня, сейчасъ мы его поймемъ!

Эти слова заставили меня вздрогнуть.

Какъ! Попасть въ руки этихъ мальчишекъ!

О, нѣтъ! Лучше умереть... Но какъ-же я могъ умереть?

Небо было голубое, море-спокойное, кругомъ было такъ хорошо, но людямъ почему-то было этого мало и захотѣлось еще лишать свободы безобиднаго воробья!

Какія я провелъ тяжкія минуты! Я видѣлъ, какъ матросъ съ ловкостью кошки сталъ уже подниматься на мачту, дѣти радостно хлопали въ ладоши. Ужасъ, безграничный ужасъ охватилъ меня и я покинулъ этотъ негостепріимный корабль и полетѣлъ въ открытое море. Пусть лучше я утону тамъ, чѣмъ отдаться людямъ живымъ.

И вотъ я одинъ среди необъятнаго моря, брошенный на произволь судьбы.

Какія мрачныя мысли окружили меня! Сколько слезъ я пролилъ надъ моей несчастной судьбой! Было мгновеніе, когда я хотѣлъ было даже летѣть опять къ быстро удалявшемуся пароходу, но я вспомнилъ лица мальчишекъ и рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ попасть имъ въ руки.

Я летѣлъ долгое время, и наконецъ, изнуренный, будучи не въ силахъ болѣе держаться въ воздухѣ, сталъ падать внизъ, какъ вдругъ, о счастье! я замѣтилъ маленькую, доску, плававшую на поверхности воды.

Невозможно передать того чувства радости, которое охватило меня, когда я утвердился наконецъ на спасительной доскѣ.

Я былъ невредимъ и теперь могъ спокойно отдохнуть. Я находился подъ защитой волнъ и чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Но мало по малу голодъ сталъ давать себя знать. Увы, теперь уже мнѣ нечего было ѣсть! Неужели же я избѣжалъ одной смерти для того, чтобы попасть въ лапы къ другой?

Такъ пошелъ день, полный то радости, то отчаянія.

Вечеромъ, вспомнивъ, что «утро вечера мудренѣе», я заснулъ, но вдругъ моя доска стала сильно покачиваться; я проснулся и замѣтилъ, что поднялся сильный вѣтеръ. Доска такъ сильно качалась, что я уже думалъ, что живу послѣднія минуты. Что оставалось дѣлать?

Мнѣ пришлось и ее покинуть! Волны скоро залили ее совсѣмъ и я снова очутился надъ водною поверхностью одинъ, только на однихъ моихъ маленькихъ крыльшкахъ, умирающій отъ голода и жажды!

Какое положеніе! Даже теперь, спустя уже нѣсколько лѣтъ, я прихожу въ ужасъ при одномъ только воспоминаніи объ этой страшной ночи!

Мало-по-малу силы стали покидать меня, я выпускалъ слабые стоны и уже почти сталъ падать, какъ вдругъ я увидѣлъ слабый свѣтъ. О! какой радостью наполнилось мое сердце!

— Спасень! Спасень! воскликнулъ я, задыхаясь отъ счастья.

Собравъ свои послѣднія силы, я полетѣлъ къ счастливому огоньку. Онъ горѣлъ на маякѣ. Навѣрное, строитель этого маяка, преслѣдуя такія возвышенныя цѣли, какъ спасеніе человѣческихъ жизней, даже вовсе и не подразумѣвалъ, что онъ спасетъ также и жизнь воробья!

Я совершенно потерялъ сознание, когда долетѣлъ до фонаря.

Прохладная ночь и завываніе бури вернули меня къ дѣйствительности. Сначала я испугался, увидя сильный свѣтъ маяка, бившій въ глаза, и массу мертвыхъ птицъ, убившихся объ его прочныя стекла и лежавшихъ неподвижно вокругъ. Бѣдняжки, онѣ летѣли на свѣтъ издалека и, не считавъ разстоянія, ударялись о его стекла съ такою силой, что разбивались на смерть и, бездыханныя, падали на землю. Но потомъ я успокоился и сталъ искать для себя пріютъ. Я нашелъ его въ

какой-то пустой комнатѣ домика, въ которомъ жилъ смотритель маяка: какъ оказалось потомъ, я влетѣлъ въ нее прямо черезъ открытое окно.

Мокрый отъ морскихъ волнъ, уставшій и не ѣвшій уже столько дней, я не спалъ всю эту ночь: голодь, волненія и усталость этого ужаснаго дня подорвали совершенно мои силы. Я заснулъ только передъ самой зарей.

Проснувшись, я увидѣлъ себя завернутымъ въ вату, и надо мной склонились два хорошенькихъ дѣтскихъ личика и съ безпокойствомъ смотрѣли на меня.

При моемъ первомъ движеніи дѣти оживились.

— Папа, закричали они,—онъ живъ! онъ живъ!

— „Увы! подумалъ я, лучше бы мнѣ вовсе не жить, чѣмъ быть снова въ плѣну!“

— Да, онъ приходитъ въ себя, отвѣтилъ имъ отецъ.—Онъ только утомился летѣть черезъ море противъ вѣтра и лишился чувствъ.

И они принялись меня кормить. Спустя два часа я уже чувствовалъ себя сравнительно хорошо, а затѣмъ меня посадили въ клѣтку, въ которой жила до этого какая-то другая птичка, умершая нѣскольکو дней тому назадъ.

На другой же день я уже былъ вялый, изнемогавшій отъ тоски, не ѣлъ и не пилъ и сидѣлъ тоскливо на жердочкѣ клубочкомъ и

засунувъ головку подъ крыло. Мнѣ было не хорошо. Все тѣло у меня болѣло и въ груди стоялъ какой-то странный жаръ.

Маякъ стерегли два человѣка одинъ—отецъ моихъ маленькихъ хозяевъ и другой—старикъ, часто качавшій на своихъ колѣняхъ этихъ его двухъ ребятишекъ, рано лишившихся матери, и рассказывавшій имъ чудныя сказки.

Два мальчика очень заботились обо мнѣ.

Я былъ для нихъ интересной игрушкой и они искренно сожалѣли, что я заболѣлъ.

— Бѣдняжка, говорилъ имъ отецъ, осматривая меня,—навѣрное, онъ скоро умретъ!

— Нѣтъ, папа, не говори такъ! воскликнулъ маленькій Петруша въ отчаяніи.—Нѣтъ, нѣтъ! Пусть онъ живетъ!

— А, нѣтъ-ли какого-нибудь средства спасти его? спросилъ Боря, съ трудомъ удерживая слезы.

— Есть только одинъ способъ,—это дать ему свободу. Но сейчасъ его нельзя примѣнить, потому что земля отсюда слишкомъ далеко и онъ до нея не долетитъ; я даже незнаю, какъ онъ попалъ сюда; онъ былъ почти мертвъ, когда я нашелъ его. Если онъ доживетъ до послѣ-завтра, то приѣдетъ къ намъ лодка съ провизіей и я попрошу Алексѣя взять его съ собой и отпустить его на землѣ.

— И мы его больше не увидимъ? спросилъ Петруша.

— Нѣтъ, но если ты его будешь держать у себя, то онъ все равно умретъ.

— Такъ, пусть же онъ лучше летитъ на свободу!

Какіе славные, хорошіе люди! Но я испытываю даже теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, какое-то чувство страха при одномъ только воспоминаніи объ ужасной жизни сторожей на маякахъ. Быть запертымъ въ узкой башнѣ, слышать безконечные прибои волнъ, чувствовать себя вдали отъ всего міра, такъ какъ маякъ отстоитъ на нѣсколько верстъ отъ земли, какъ, на примѣръ, тотъ, куда я какимъ-то чудомъ попалъ, — и все это только для того, чтобы спасти жизнь другимъ! Какіе храбрые, самоотверженные люди! И я искренно жалѣю о тѣхъ двухъ братьяхъ, которые силою судебъ принуждены были вести такую тяжелую, одинокую, заброшенную жизнь...

Но вотъ благословенный часъ моей свободы, наконецъ, насталъ. Моя клѣтка была отнесена въ спасательную лодку, привезшую съ берега провіантъ, я получилъ безчисленные поцѣлуи и пожеланія дѣтей и вскорѣ мы направились къ землѣ.

— Смотри-же, кричалъ съ маяка отецъ моихъ мальчиковъ матросу, управлявшему лодкой, — какъ только пристанешь къ землѣ, такъ тотъ-

часъ-же и выпусти этого воробья на свободу!

Злая усмѣшка появилась на губахъ у матроса, когда онъ поставилъ клѣтку со мною около себя.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ. — Ужъ останется доволенъ!

Я страшно испугался: „Что-то онъ со мной сдѣлаетъ? подумалъ я. — Что значитъ это его „останется доволенъ?“ Пристали къ берегу, къ какой-то деревнѣ. Выйдя за деревню, матросъ какъ-то особенно свистнулъ. На его свистъ выбѣжалъ къ нему растрепанный мальчуганъ съ угрюмымъ лицомъ.

— Вотъ, сказалъ ему мой тиранъ, посмотри, какой воробей. Отнеси его къ своему отцу. Онъ его научитъ дѣлать разныя штуки и потомъ за дорого продастъ. А теперь давай мнѣ за него пятиалтынный.

Мальчишка внимательно осмотрѣлъ меня.

— Подожди минутку, сказалъ онъ, я сейчасъ сбѣгаю къ отцу и спрошу его.

Онъ скоро вернулся обратно, держа въ рукѣ серебряную монету.

— Вотъ, сказалъ онъ, — хочешь гривенникъ? Мой отецъ не даетъ больше.

Матросъ, отдалъ меня мальчугану, а тотъ привязалъ ниточку къ моей лапкѣ и понесъ меня къ своему отцу.

Осмотрѣвъ меня хорошенько со всѣхъ сторонъ, отецъ мальчугана

взялъ ножницы и, прежде чѣмъ я успѣлъ вскрикнуть, обрѣзалъ мнѣ крылья. Теперь прощай, свобода, навѣкъ!

Затѣмъ меня привязали на ниточку въ темномъ углу, гдѣ я нашелъ еще одного воробья—самку, у которой тоже были обрѣзаны крылья. Она пожалѣла меня и съ этого дня мы повлачили нашу угрюмую жизнь вдвоемъ.

Она рассказала мнѣ, что наши хозяева были фокусники и показывали дрессированныхъ животныхъ: собакъ, кошекъ, обезьянъ и воробьевъ; вѣроятно хозяинъ будетъ учить разнымъ фокусомъ и тебя, сказала она.

И дѣйствительно, мои занятія начались съ слѣдующаго-же дня. Сколько страданій, сколько униженій я перенесъ! Сколько ударовъ я получалъ, когда ошибался при упражненіяхъ съ маленькимъ игрушечнымъ ружьемъ! По командѣ нашего хозяина я долженъ былъ маршировать съ ружьемъ на плечѣ и дѣлать крыломъ подъ козырекъ.

Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственной отрадой въ то время были бесѣды съ моей подругой по несчастью и если-бы не она, то вѣроятно я потерялъ-бы вѣру въ будущее и затосковалъ.

Больше мѣсяца я велъ подобную жизнь.

Я рассказывалъ моей подругѣ по неволѣ и по страданіямъ про свою бурную скитальческую жизнь, она

слушала меня и удивлялась, и въ свободное отъ ученія время, когда насъ оставляли въ покоѣ, мы начинали строить разные планы относительно нашего бѣгства, но тотчасъ-же съ грустью и бросали ихъ, такъ какъ бѣжать все равно было нельзя: мы оба были привязаны веревочками къ стѣнѣ.

Только однажды вечеромъ, когда всѣ наши хозяева куда-то ушли, я замѣтилъ вдругъ, что форточка въ окнѣ была затворена не совсѣмъ. Между ею и оконной рамой виднѣлась свободная щель, черезъ которую доносился до насъ свѣжій воздухъ и въ которую легко было-бы намъ проскользнуть.

— Смотри, сказалъ я,—мы можемъ улетѣть въ эту щель!

Воробиха взглянула на окошко и съ грустью покачала головой.

— А эти наши путы? отвѣтила она.—Ты забылъ, что мы привязаны къ стѣнѣ?

— Такъ давай расклеивать эти веревочки!

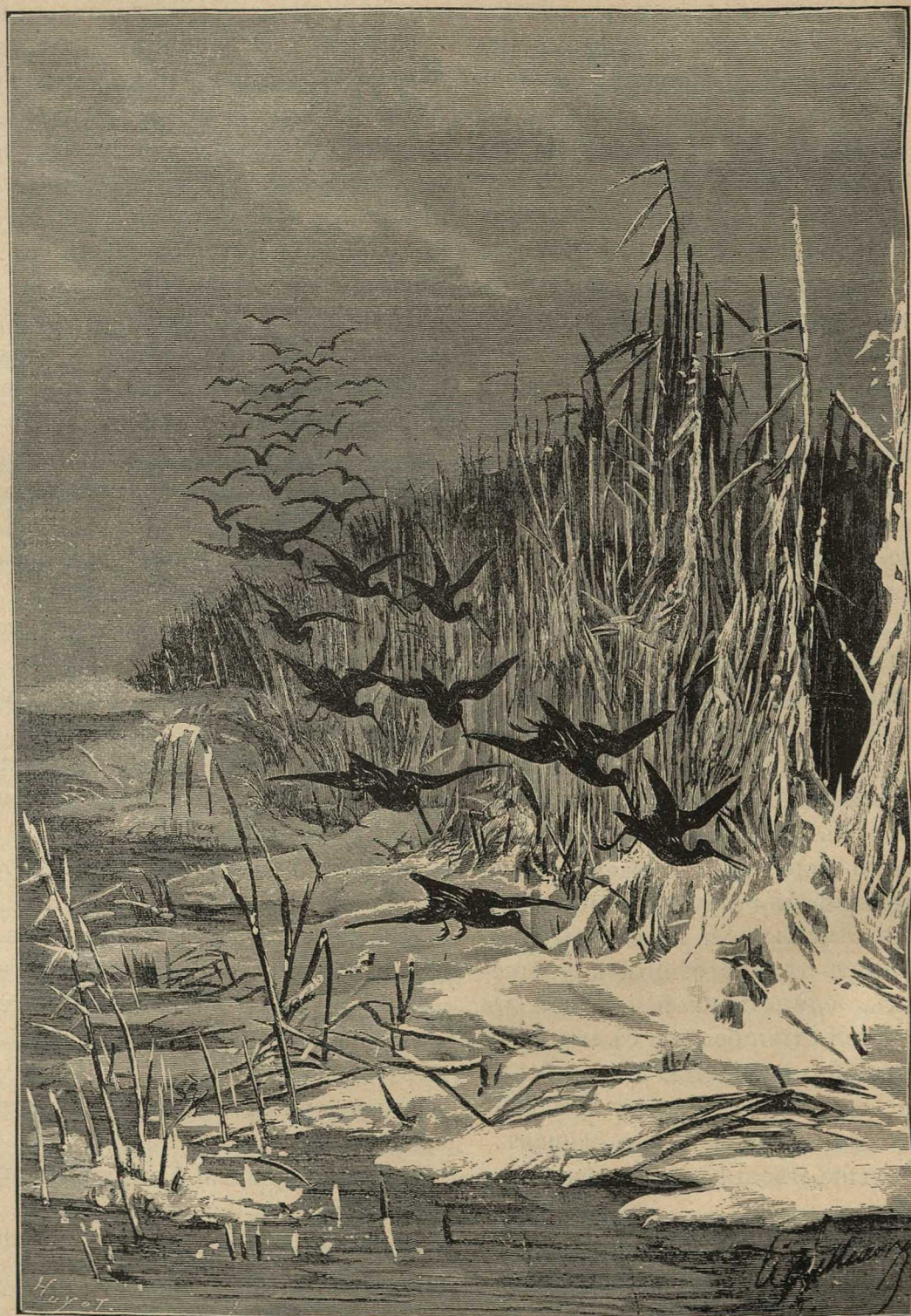
Надежда утроила наши силы. Мы принялись за наши путы, стали ихъ теревить и наконецъ, послѣ цѣлаго часа труда, мы распутали ихъ совсѣмъ.

Какое счастье! Теперь мы могли улетѣть.

Но наши крылья! Успѣли-ли они уже отрасти?

Я попробовалъ взлетѣть на подоконникъ.

— Смѣлѣе! закричалъ я.—

Счастливого пути!

Часовыхъ дѣлъ мастера.

Крылья еще не отрасли совсѣмъ, но на нихъ все-таки можно еще летѣть. Мужайся! Намъ-бы только выбраться отсюда на волю, а тамъ ужь мы спрячемся гдѣ-нибудь въ кустахъ!

Несмотря на еще короткія крылья, мы оба взлетѣли на перекладинку окна и, незамѣченные никѣмъ, выпорхнули въ форточку и понеслись по воздушной стихіи. Какое счастье! Боже мой, какое необъятное, сказочное счастье, почувствовать себя вдругъ на волѣ и летѣть, летѣть, куда глядѣли только глаза!

Но вотъ и первое большое, развѣсистое дерево. Мы были уже совсѣмъ почти безъ силъ, когда до него долетѣли, и, прижавшись одинъ къ другому, сладко заснули въ его гостепримныхъ вѣтвяхъ.

Здѣсь намъ понравилось и мы рѣшили остаться на немъ подольше, до тѣхъ поръ, пока не отрасли наши крылья совсѣмъ. Когда-же, наконецъ, они отрасли, то мы полетѣли на сѣверъ, на мою дорогую родину, къ Окѣ, гдѣ такъ привольно и такъ хорошо. Моя подруга не хотѣла покидать меня и послѣдовала за мной.

Двѣ недѣли спустя мы были уже на родинѣ. Ничто не помѣшало намъ въ нашемъ на этотъ разъ удачномъ путешествіи. Это былъ самый счастливый для меня день, когда я снова увидѣлъ мою Оку, родные лѣса, поля, мой прекрас-

ный, веселый паркъ и мой родной развѣсистый дубъ!

— Ну, вотъ мы и дома! сказала я своей спутницѣ.

Она оглядывалась по сторонамъ и, казалось, не вѣрила своимъ глазамъ.

Къ намъ прилетѣли мои отецъ и мать, но они не узнали меня. У нихъ послѣ меня было уже нѣсколько дѣтей и они потеряли всѣмъ намъ счетъ. Я не зналъ, кто мои братья и сестры, и намъ не казалось это страннымъ, потому что у насъ, воробьевъ, родства не существуетъ и мы тотчасъ-же забываемъ, кто наши родители и родные, какъ только навсегда покидаемъ гнѣздо. Меня привѣтствовали, спрашивали меня о приключеніяхъ и не вѣрили тому, что я собственными глазами видѣлъ Черное море.

— Это не правда, говорили они.—Воробьи не перелетныя птицы. Отсюда до моря далеко такъ, что не долетишь.

Я не старался ихъ убѣждать и мирно принялся за устройство своего гнѣзда.

Недалекъ, на березѣ, былъ пустой скворешникъ.

— Не поселиться-ли намъ въ немъ? предложила мнѣ моя подруга.

Я ничего не имѣлъ противъ и мы тотчасъ-же принялись за устройство нашего гнѣзда.

Мы стали сносить въ сквореш-

никъ перышки, кусочки шерсти, попадавшіеся намъ на скотномъ дворѣ, прутики и мягкія сухія листья. Устроивъ гнѣздышко уютнѣе и помягче, мы поселились въ немъ и моя подруга снесла четыре пестренькихъ сѣроватенькихъ яичка. Но едва она расположилась ихъ высидывать, какъ прилетѣли вдругъ скворцы, выгнали насъ изъ скворешника, вышвырнули наши яички прямо на землю и поселились въ скворешникѣ сами.

— Развѣ вы не знаете, закричали они,—что этотъ домъ нашъ? Вонъ отсюда! Убирайтесь отсюда прочь!

И они стали выкидывать изъ скворешника перья, сухія листья и шерстинки, изъ которыхъ съ такимъ усиліемъ и трудомъ мы сдѣлали себѣ гнѣздо.

— Что-же теперь дѣлать? спросилъ я жену.—Куда намъ идти?

Она тоже, казалось, была занята тѣмъ-же вопросомъ.

— Знаешь, что? сказала она.— Заберемся куда-нибудь подъ крышу и постараемся тамъ устроить себѣ новое гнѣздо!

Эта мысль пришлась мнѣ по душѣ, мы скоро отыскали удобную квартиру подъ крышей на скотномъ дворѣ и скоро устроили себѣ тамъ новое гнѣздо.

— Ну, теперь ужъ насъ отсюда никто не выгнать! съ удовольствіемъ сказала моя подруга.—

Теперь это ужъ нашъ настоящій домъ!

Она снесла еще четыре яичка и мы оба принялись ихъ высидывать. Черезъ двѣ недѣли у насъ появились первые птенцы. Боже, какіе они были смѣшные! Голенькіе, головастые, съ огромными желтыми ртами, они тотчасъ-же запросили ѣсть, едва только появились на свѣтъ. Я и жена отыскивали для нихъ червячковъ, мушекъ, комаровъ и каждого изъ нихъ по очереди кормили. Черезъ двѣ недѣли они уже покрылись перьями, а еще черезъ двѣ уже выскакивали изъ гнѣзда на крышу и, весело размахивая еще не окрѣпшими крыльшками, шумно щебетали и радовались теплу.

— Отецъ, расскажи намъ, расскажи намъ что-нибудь! приставали они ко мнѣ.

И я начиналъ имъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ, о томъ, какъ я жилъ у Нади въ монастырѣ, въ маякѣ и у дрессировщика на берегу моря. Они слушали меня и никакъ не могли понять, зачѣмъ я улетаю такъ далеко?

— Вѣдь мы-же птицы не перелетныя! говорили они.—Стоило-ли такъ далеко летать? Зачѣмъ было такъ рисковать?

Я укоризненно качалъ на нихъ головой и отвѣчалъ:

— За то я знаю больше, чѣмъ всѣ птицы на этомъ дворѣ, и даже, пожалуй, больше, чѣмъ многіе изъ

ЧЕТВЕРО.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

На другой день мы проснулись довольно поздно, такъ что няня уже нѣсколько разъ приходила къ намъ, чтобы насъ разбудить, но всякій разъ ей запрещала это дѣлать тетя-Оля.

— Пусть себѣ спятъ! говорила она шепотомъ.— Не мѣшай имъ, няня... Въ дѣтствѣ только и поспать!

Первымъ проснулся Володя и сталъ бѣгать босякомъ по всей комнатѣ.

— Вставайте! Вставайте! закричалъ онъ.— Я самъ слышалъ, какъ часы гдѣ-то пробили уже девять!

Мы всѣ повскакали съ нашихъ постелекъ и стали быстро одѣваться. Вошла няня, отдернула занавѣски и распахнула настежь окна.

— Благодать-то, благодать-то здѣсь какая! сказала она.— Вѣкъ-бы отсюда не уѣзжала!

И дѣйствительно, утро было прекрасное. Волны свѣта хлынули къ намъ въ комнату, какъ только няня отдернула занавѣски. Вмѣстѣ съ ними ворвались къ намъ и звонкіе крики птицъ, щебетавшихъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, и жужжанье насѣкомыхъ. Слышно было, какъ на заднемъ дворѣ кудахтали куры и распѣвалъ пѣтухъ. Спѣлыя вишни

такъ и просились къ намъ въ окна, а нѣсколько поодаль, на отвислыхъ отъ тяжести вѣтвяхъ виднѣлись крупныя желтыя груши. Пахло цвѣтами. У росшихъ подъ окнами высокихъ подсолнуховъ жужжали пчелы. Въ прохладную комнату такъ и пылало снадворья тепломъ.

— Ну, одѣвайтесь, одѣвайтесь скорѣе! торопила насъ няня.

Заслышавъ наши голоса, Юрьевна просунула къ намъ въ дверь голову и притворно-строгимъ голосомъ сказала:—

— А вотъ я васъ сейчасъ мокрымъ вѣникомъ!

Мы размѣялись, одинъ только Володя, все еще никакъ не могшій привыкнуть къ тону и шуткамъ экономки, робко сталъ оглядываться по сторонамъ.

Мы одѣлись, умылись, помолились Богу и гурьбою вышли въ столовую. Здѣсь, у чайнаго стола, насъ уже поджидала Юрьевна.

— Всѣ здѣсь? спросила она насъ.— Всѣ четверо?

— Всѣ четверо! отвѣтили мы.

— Никто изъ васъ за ночь не потерялся?

— Никто.

— Ну, такъ садитесь за столъ и ѣшьте!

Она придвинула къ намъ молоко и горячія, жирныя пышки. Ахъ, что это были за пышки! Вкусныя, душистыя, онѣ такъ и таяли во рту. Казалось, что онѣ были сдѣланы не изъ тѣста, а изъ нѣжнаго пуха, и сами руки такъ и тянулись за ними къ блюду и несли ихъ въ ротъ.

— А ты, печерица, чего не ѣшь? обратилась вдругъ Юрьевна къ Ниночкѣ.

— Она и такъ уже четыре пышки съѣла! отвѣтилъ за нее Володя.

— Ну, пусть ѣсть и пятую! Здѣсь не Москва и не Петербургъ! Здѣсь можно!

Пока мы ѣли, вошла тетя-Оля и всѣхъ насъ обняла и поцѣловала. Затѣмъ, когда мы кончили, она повела насъ всѣхъ на скотный дворъ.

— Пойдемте, сказала она. — Я каждому изъ васъ хочу сдѣлать подарокъ!

Созвавши къ себѣ всѣхъ куръ, она бросила имъ зеренъ и пока онѣ клевали, она предложила намъ выбрать себѣ по курицѣ.

— Это будутъ ваши собственныя куры, сказала она, — и каждый изъ васъ будетъ ѣсть яйца только отъ своей курицы.

Мы обрадовались и стали выбирать. Я выбрала себѣ сѣренькую съ хохолкомъ, а Нина рыженькую.

— Мнѣ, тетя, ту, которая въ панталонахъ! сказала она.

Это была прелестная, крупная

кохинхинка. Тетя подозвала къ себѣ скотницу Ганну, приказала ей поймать выбранныхъ нами куръ и каждой изъ нихъ тутъ-же надѣла на лапки по кольцу.

— Ну, вотъ и отлично, сказала она. — Теперь вы будете знать, у кого какая курица. Только смотрите: кормите ихъ сами и сами-же обирайте отъ нихъ и яйца!

Мы обрадовались этому и обѣщали тетѣ, что все сдѣлаемъ такъ, какъ она прикажетъ. Затѣмъ мы отправились къ кроликамъ. Тетя сѣла на какой-то ящикъ и стала ихъ къ себѣ подзывать: — „Пуль-пуль-пуль-пуль!“

Изо-всѣхъ щелей вдругъ бросились къ ней кролики. Они подбѣгали къ ней, становились передъ ней на заднія лапки и хлопали ушками.

— Надо было-бы имъ дать чего-нибудь... сказала она. — Ну, да послѣ! Этыхъ кроликовъ я, дѣти, дарю вамъ всѣхъ!

Мы этого никакъ не ожидали. Съ радостнымъ визгомъ мы бросились къ кроликамъ, стали брать ихъ на руки, гладить и кормить травой. Мы такъ увлеклись ими, что и не замѣтили, какъ тетя-Оля оставила насъ однихъ и ушла. Вѣроятно, мы долго играли съ ними, потому что раздался вдругъ изъ дома голосъ Юрьевны: —

— Дѣти! Гдѣ вы? Идите сюда! Мы побѣжали къ ней.

— Пойдемте, я васъ угощу! ска-

зала она и взяла Ниночку и Володю за руки. Мы отправились въ садъ. Здѣсь Юрьевна подвела насъ къ большому грушевому дереву, сплошь усыпанному плодами, и обратилась къ Колѣ:—

— Эй, ты, Николай-угодникъ! Лѣзь-ка поскорѣе на дерево, да нарви намъ побольше грушъ!

Коля недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и на насъ. Неужели здѣсь можно лазать по деревьямъ?

— Лѣзь, лѣзь! сказала Юрьевна.— Нечего бояться! Ты вѣдь не дѣвочка, а мальчишка!

Онъ съ радостью, какъ кошка, взобрался на дерево и сталъ подавать намъ оттуда спѣлыя груши. Мы ихъ ѣли, а сокъ изъ нихъ такъ и текъ у насъ по пальцамъ и по губамъ. Наѣвшись до сыта, мы стали бѣгать по парку.

— Ангелочки вы мои прекрасные... вдругъ услышали мы чей-то старческой голосъ.— Сподобилъ Господь увидать...

Мы приглядѣлись и увидали на лавочкѣ подъ деревомъ старушку Марью Θεопентовну. Она грѣлась на солнышкѣ и носъ у нея почти касался ея подбородка.

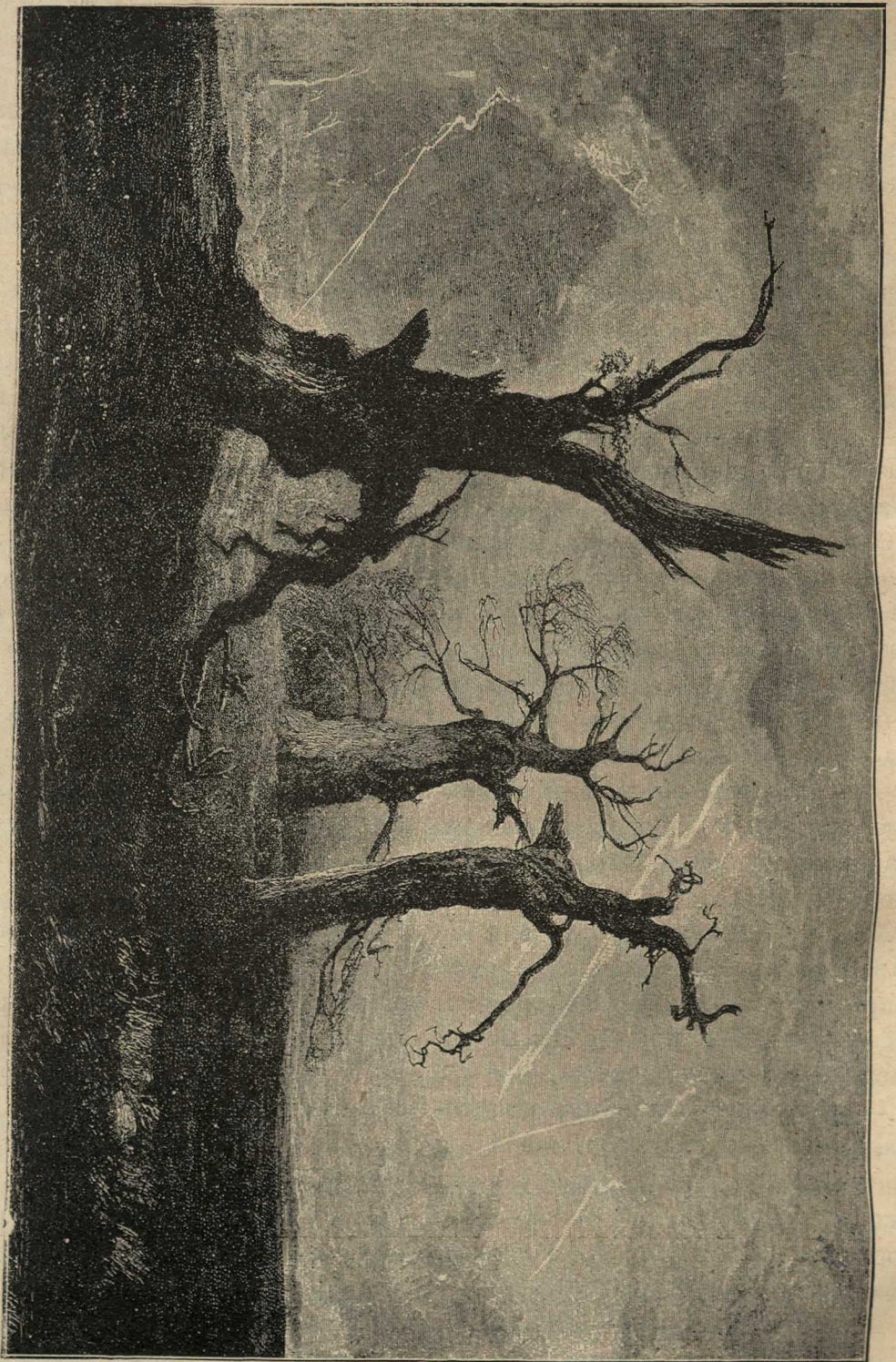
— Давно-ли, давно-ли, продолжала она и закачала головой,— я носила Анечку на рукахъ, а вотъ ужъ и у нея дѣтки! Слава тебѣ, Господи!.. Слава тебѣ, Господи, что дождалась!

День былъ жаркій, такой жаркій, что даже намъ, дѣтямъ, трудно

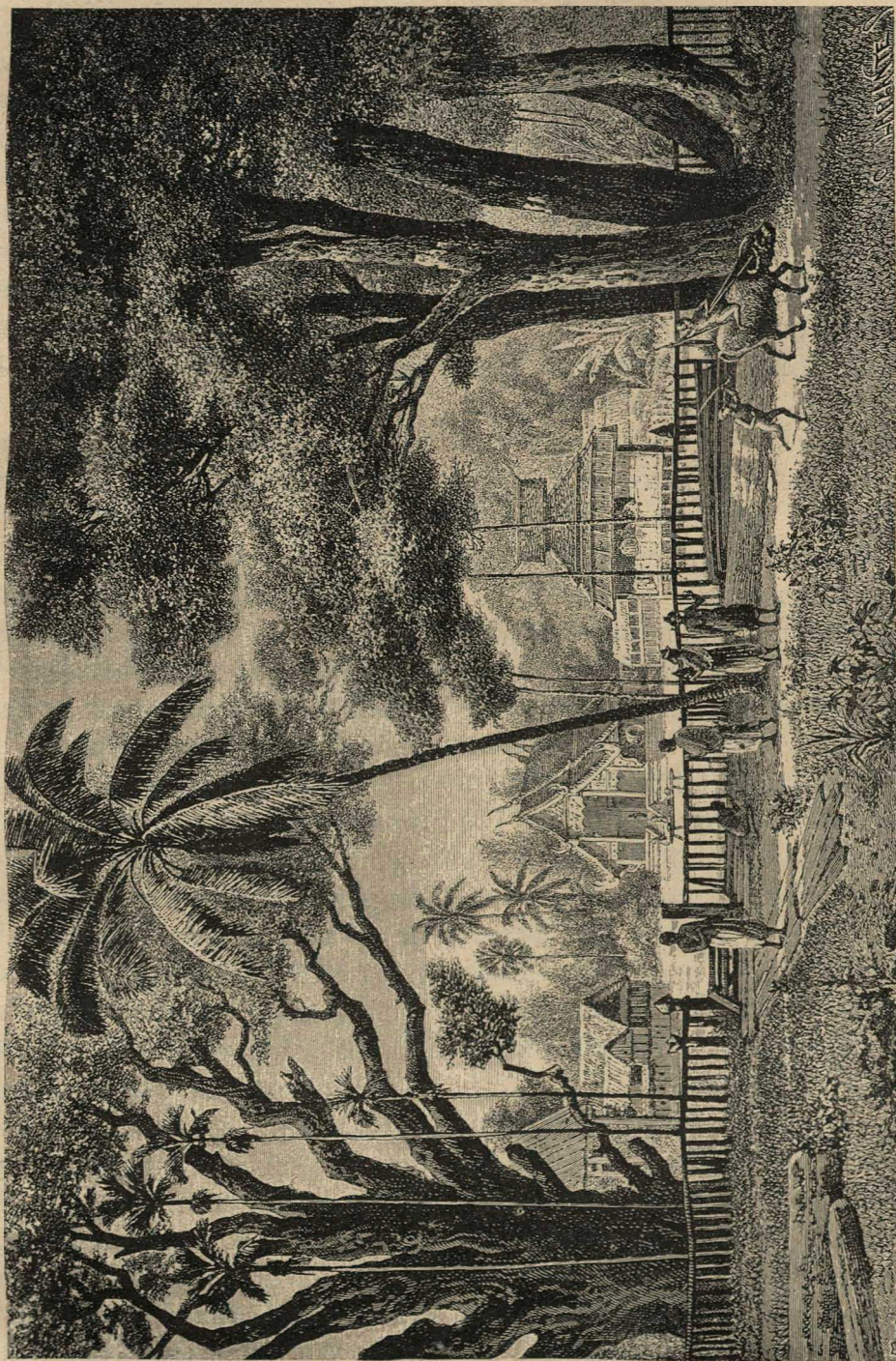
было бѣгать. Мы обступили со всѣхъ сторонъ Марью Θεопентовну и она стала всѣхъ насъ клевать носомъ въ головы: это означало у нея поцѣлуй. А затѣмъ мы сѣли вокругъ нея и она рассказала намъ, какъ когда-то давно-давно она вынянчила нашу маму и намъ странно было слушать, что и наша мама въ свое время была такою-же маленькой, какъ и мы, и такъ-же шалила и проказила, какъ и мы. Старушка рассказывала намъ и ей казалось, что колесо времени повернулось для нея назадъ, потому что мы не могли не замѣтить, какъ оживилось вдругъ ея лицо, какъ засверкали ея старческие глаза, когда она стала рассказывать намъ про нашу мать.

— Только ею одной и живу... пролепетала старушка и стала плакать.— Только какъ вспомню Анечку, вашу мать,— такъ на душѣ и станетъ легче. Голубушка моя!.. Ненаглядная моя!..

Она стала вздыхать и причитать, а мы, молодежь, оставили ее одну и съ веселымъ визгомъ помчались по аллеѣ. Мнѣ все таки было жаль ея. Я часто украдкой посматривала въ ея сторону и мнѣ видна была ея маленькая, темная, сторбленная фигурка, освѣщенная яркимъ солнцемъ. Старушка качала головой и помутнѣвшими, старческими глазами смотрѣла въ пространство. И мнѣ казалось, что передъ ея глазами проносилась вся ея жизнь,

Б. п. 6 у р. ю.

Селеніе на островѣ Борнео.

оставшаяся гдѣ-то позади и потраченная не на нее самое, а на многихъ другихъ, изъ которыхъ первою и главною была моя мать. И, улучивъ удобную минуту, я какъ-то подбѣжала къ ней, обняла ее за шею и поцѣловала ее въ морщинистую, сухую щеку.

— Спасибо тебѣ, бабенка, за мою маму! сказала я.

И, поцѣловавъ ее еще и въ другую щеку, я бросилась бѣжать къ окликавшимъ меня уже въ другомъ концѣ парка братьямъ и сестрѣ. И я видѣла при поворотѣ въ боковую аллею, какъ старушка набожно крестилась.

Въ часъ дня насъ позвали обѣдать. Намъ опять давали супъ, но на этотъ разъ мы уже не отказывались, а съѣли его по полной тарелкѣ. Въ концѣ обѣда было опять мороженное и снова мы съѣли его по нѣскольку порцій.

Часа въ четыре, когда мы, изнывая отъ жары, играли въ аллеѣ, къ намъ пришла наша няня-Акулина и позвала насъ къ тетѣ.

— Идите купаться! сказала она.— Тетя васъ ожидаетъ!

Мы еще ни разу въ жизни не купались въ рѣкѣ и потому съ визгомъ побѣжали къ тетѣ-Ольѣ. Она стояла уже съ простыней и тазомъ въ рукахъ и ожидала насъ. На головѣ у нея былъ резиновый колпакъ, чтобы не замочились волосы.

— Пойдемте купаться! сказала

она.—Сегодня жарко, да и съ дороги вамъ надо помыться. Возьмите съ собою чистое бѣлье!

Тетя Оля, Юрьевна, наша няня и какія-то еще двѣ дѣвушки — Евдоха и Солоха отправились на рѣку. Мы прошли черезъ весь паркъ и съ кручи стали спускаться къ Пслу. Тутъ только я впервые замѣтила, какъ величественна и прекрасна была эта рѣка. Широкая и глубокая, съ массой острововъ, поросшихъ камышами, она тянулась изъ края въ край и то тутъ, то тамъ виднѣлись на ея берегахъ хутора и деревеньки.

— Подождите, обратилась къ намъ тетя,—сейчасъ лягушки зададутъ намъ концертъ!

Мы всѣ остановились, тетя захлопала въ ладоши и вдругъ, ей въ отвѣтъ, внизу въ камышахъ, закричали лягушки. Ихъ услышали лягушки, отдохавшія по ту сторону рѣки, и тоже закричали, этихъ лягушекъ подхватили третьи и вдругъ затрещала вся рѣка:

— Мавра, Мавра! И ты такова! Мавра, Мавра! И ты такова!

И долго еще не унимались лягушки. Онѣ кричали и тогда, когда мы уже сидѣли въ водѣ у бережка, и брызгались, насколько хватало у насъ силъ. Голенькіе, мы влѣзали въ воду по самую шею, затѣмъ вылѣзали, катались по мягкому чистенькому песку и влѣзали въ воду вновь. Евдоха и Солоха сразу-же уплыли на самую сере-

дину рѣки, тетя Оля, несмотря на преклонный возрастъ, тоже отлично плавала, а няня боялась: она не умѣла плавать и ограничилась только тѣмъ, что сидѣла въ водѣ по поясъ и каждому изъ насъ вымывала голову.

Никогда не забуду этого перваго нашего купанья!

Свѣженькіе, чистенькіе, веселые мы возвратились въ домъ. Здѣсь насъ уже дожидался самоваръ. Мы выпили по двѣ чашки чаю съ такими густыми сливками что въ нихъ стоймя стояла ложка, и снова выбѣжали въ паркъ.

Спускался тихій вечеръ, тѣни отъ деревьевъ протянулись черезъ аллеи и прохладный вѣтеръ заструился со стороны Псла. Стали сильнѣе пахнуть цвѣты, загудѣли жуки, еще сильнѣе затрещали лягушки на рѣкѣ и стало такъ хорошо, такъ хорошо, что я не умѣю даже и описать.

— А не покатаь-ли намъ дѣтей въ лодкѣ? спросила вдругъ Юрьевна.—Вечеръ тихій, теплый... Кстати, и утопимъ въ ней кого-нибудь изъ нихъ. Ну, хоть печерицу, что-ли...

Мы всѣ вскочили и захлопали въ ладоши.

— Въ лодкѣ! Въ лодкѣ! закричали мы всѣ четверо.—Мы поѣдемъ кататься въ лодкѣ!

— Хорошо, отвѣтила тетя Оля.— Прикажете Грицьку, чтобы онъ понесъ туда весла!

Цѣлой компаніей мы отправились къ рѣкѣ. Кучеръ Грицько уже сидѣлъ въ лодкѣ и приготовился грести. Юрьевна сѣла у руля на кормѣ, няня на носу, а тетя Оля и мы—четверо посрединѣ.

— Ну, Господи благослови! перекрестилась Юрьевна.—Трогай!

Грицько взмахнулъ веслами и мы поплыли. Мимо насъ потянулись красивые берега, горы, камыши, лѣса... Громадныя вѣковья липы стояли у самой воды и отражались въ ней во всю свою величину. Онѣ были въ полномъ цвѣту и ихъ запахъ наполнялъ собою воздухъ и я то и дѣло вдыхала его полной грудью. Выскакивали маленькія рыбки изъ воды и долго еще на поверхности рѣки послѣ нихъ оставались круги. Кричала въ камышахъ какая-то птица, такимъ голосомъ, точно кто-то дулъ въ пустую бутылку. Тетя сказала, что это выпь, а Грицько—что это „бугай“. Съ берега доносилось мычаніе стада. Это оно возвращалось уже съ поля домой. Кругомъ было тихо и ароматно и не хотѣлось думать, что придется возвращаться назадъ.

Солнце сѣло и весь закатъ окрасился въ оранжевый цвѣтъ и отразился въ спокойной рѣкѣ. Потянулъ вѣтерокъ, зашелестѣли камыши и высоко на небѣ зажглись двѣ-три звѣзды. Спустился вечеръ.

— Ну, сказала тетя Оля,—пора уже и домой! Грицько, подними весла!

Все время мы плыли против теченія, а теперь Грицько поднялъ весла и насъ тихонько понесло теченіемъ назадъ. Мы сидѣли, молчали, глядѣли на пламенный закатъ и на берега и намъ казалось, что это мы въ сладкомъ снѣ, и мы боялись проснуться и нарушить наше сновидѣніе.

— Что-то теперь нашъ Лазарь? заговорила вдругъ Юрьевна. — Какъ-то его здорovie?

— А кто это такой Лазарь? спросила я ее.

Тетя Оля поправила на мнѣ волосы, упавшіе мнѣ на лобъ.

— Такой же маленькій мальчикъ, какъ и ты, отвѣтила она.—Онъ лежитъ теперь больной. Въ прошломъ году у меня служила его мать Наталья. Обѣ онѣ пріѣхали сюда изъ подъ Кременчуга, а отецъ мальчика остался у себя дома, въ Кременчугѣ, гдѣ онъ тоже служилъ въ людяхъ. Только вотъ полгода тому назадъ пришло вдругъ отъ него письмо, что онъ тяжело заболѣлъ и лежитъ въ больницѣ. Наталья испугалась, засуетилась и засбиралась къ себѣ домой навѣстить мужа. Своего мальчика Лазаря она оставила здѣсь, недалеко отъ насъ, у своей знакомой мельничихи, а сама отправилась въ Кременчугъ. Проходитъ мѣсяць, проходитъ другой, а ея все нѣтъ и нѣтъ. Ни объ отцѣ, ни о матери ни слуху, ни духу, точно оба они умерли или сквозь землю про-

валились. Мальчикъ Лазарь истомился душой, скучаетъ по матери, ждетъ ее каждый день, и вотъ уже полгода прошло, какъ она не возвращается и ничего не даетъ о себѣ знать. А тутъ, какъ на грѣхъ, свалилась бѣда и на него самого: онъ заболѣлъ скарлатиной. Болѣзнь-то прошла, а все бѣдный мальчикъ поправиться отъ нея никакъ не можетъ. То изъ уха у него текло, а теперь сталъ хирѣть не по днямъ, а по часамъ, исхудалъ, какъ спичка, ничего не ѣстъ и все вспоминаетъ свою мать. Я уже писала въ Кременчугъ, наводила о ней справки, но изъ этого не вышло ничего. Надо было бы взять мальчика къ себѣ да все боялась за васъ. Какъ бы вы не заразились скарлатиной. Теперь-то можно... Болѣзнь давно уже прошла.

Юрьевна зѣвнула и перекрестила ротъ.

— Бѣдный, бѣдный этотъ мальчикъ! сказала она.—И куда только онъ теперь дѣнется безъ матери,—я, право, и не знаю! Просто хоть караулъ кричи.

— Куда-жъ дѣвалась его мать? спросилъ Коля.

— А кто-жъ ее знаетъ? Должно быть, пріѣхала въ Кременчугъ, да и умерла отъ холеры!

Мнѣ стало грустно. Уже совсѣмъ свечерѣло, на небѣ зажглись звѣзды, Ниночка уже сладко спала у тети на колѣняхъ, убаюканная мѣрными покачиваніями лодки, а

я все думала о неизвѣстномъ для меня Лазарѣ и объ его пропавшей безъ вѣсти матери.

Пристали къ берегу и стали вылѣзать изъ лодки. Няня приняла отъ тети Оли Ниночку и понесла ее на рукахъ, а мы трое побрели вслѣдъ за нею, едва передвигая ноги: такъ намъ хотѣлось спать.

— Кажется, мы нынче долго катались въ лодкѣ, сказала тетя Оля.—Какъ-бы это не повредило дѣтямъ!

— Ничего, отвѣтила Юрьевна.— Отъ этого они будутъ еще здоровѣ!

А затѣмъ я уже не помню ничего: какъ меня раздѣвали, какъ укладывали спать, какъ насильно поили на ночь молокомъ. Помню только, что въ самый послѣдній моментъ къ намъ въ комнату вошла Юрьевна и что-то каждому изъ насъ подсунула подъ подушку. Я хотѣла было посмотрѣть, что это такое, но не хватило силъ раскрыть какъ слѣдуетъ глаза, и я заснула сладкимъ сномъ.

Когда мы проснулись, то было уже утро.

— Вставайте, вставайте! говорила намъ няня.—Уже пора! Въ церковь пора ѣхать!

— Въ церковь? Почему въ церковь?

— Сегодня воскресенье!

Я поднялась, вспомнила про Юрьевну и засунула руку подъ подушку. Тамъ оказался завернутый въ бумажку сладкій пирожокъ.

— Дѣти, посмотрите, что у васъ подъ подушками! воскликнула я.

Нина, Коля и Володя залѣзли подъ подушки и тоже нашли тамъ пирожки.

— Кто это намъ ихъ сюда положилъ? спросилъ Коля.

Но въ это время вошла въ комнату Юрьевна и погрозила мнѣ пальцемъ, чтобы я молчала.

— Это вамъ мышка ночью принесла, сказала она,—за то, что вы были умники. Ну, вставайте скорѣе! Лошади уже готовы! Пора ѣхать!

Насъ одѣли въ наши лучшія платья, напоили наскоро молокомъ и всѣ мы усѣлись на длинную линейку, спина къ спинѣ, и поѣхали въ церковь. Церковь находилась въ пяти верстахъ. Когда мы подѣхали къ ней, то служба уже началась и намъ нужно было протискиваться сквозь толпу. Передъ нами почтительно разступались и когда тетя заняла свое обычное мѣсто около лѣваго клироса, то появился откуда-то сторожъ и разостлалъ передъ нею коврикъ. Пѣли стройно пѣвчіе. Пахло дегтемъ, потому что ради праздника хохлы жирно намазали имъ свои сапоги. На хохлушкахъ были надѣты плахты и у многихъ изъ нихъ на шеяхъ были ожерелья изъ монетъ и изъ нѣсколькихъ нитокъ бусъ. Было странно видѣть, что на дѣвушкахъ были красные и зеленые сапоги, высокіе, какъ и у мужчинъ.

Тетя достала изъ кошелька серебряную монету и сунула ее мнѣ въ руку.

— Пойди купи просфору, сказала она.

Я пошла къ свѣчному ящику, купила просфору и вмѣстѣ съ здачей принесла ее къ тетѣ.

— Подай на проскомидію, сказала она.—Скажи: „за здравіе болящаго Лазаря“.

Я выждала, когда изъ алтаря вышелъ батюшка, и подала ему просфору.

— За здравіе болящаго Лазаря, сказала я.

Онъ взялъ отъ меня просфору, понесъ ее въ алтарь и вскорѣ вынесъ ее обратно уже съ вынутой частицей и съ улыбкой передалъ ее мнѣ.

— Вашъ Лазарь будетъ здоровъ! тихонько сказалъ онъ. — Ваша жертва будетъ угодна Богу.

Мнѣ было пріятно услышать эти слова и, не зная еще этого самаго Лазаря, я отошла отъ клироса къ тетѣ и стала мысленно повторять:

— Боженька, исцѣли Лазаря! Возврати ему его маму!

По окончаніи обѣдни мы отправились всѣ къ батюшкѣ въ гости пить чай. Его матушка не знала, гдѣ насъ посадить, угощала насъ сливками, пышками и такимъ мягкимъ хлѣбомъ, какъ цухъ. Сливочное масло у нея было такъ заморожено на льду, что его рѣзали

ломтиками и ѣли, какъ сыръ. Батюшка подтрунивалъ надъ нами. Тутъ же за столомъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ десяти—ихъ сынъ Оедя. Онъ учился въ духовномъ училищѣ въ Сумахъ и теперь проводилъ лѣто дома. Онъ былъ какой-то нелюдимъ, молчалъ и все время исподлобья посматривалъ то на меня, то на Колю. А когда мы уѣзжали, то онъ вдругъ оживился, выбѣжалъ на дворъ и перекувырнулся ни съ того, ни съ сего черезъ голову.

— Ты умѣешь такъ? спросилъ онъ Колю.

— Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ.

— А такъ?

И онъ прошелся передъ нами на рукахъ вверхъ ногами.

— Оедька, перестань! крикнула на него мать. — Ты себѣ голову сломаешь!

— Ничего! отвѣтила Юрьевна.— Эту сломаешь, другая вырастетъ!

Оедя показалъ намъ еще нѣсколько фокусовъ и робко спросилъ:

— Можно мнѣ пріѣхать къ вамъ въ гости.

Мы вопросительно посмотрѣли на тетю.

— Можно, можно! отвѣтила она.—Пріѣзжай.

Мы усѣлись въ линейку и отправились въ путь.

— До дому, спросилъ Грицко,— чи ще куда? (Домой, или еще куда-нибудь?)

— На мельницу! приказала тетя.

Мы свернули въ сторону отъ дороги и скоро подѣхали къ водяной мельницѣ, стоявшей на одномъ изъ рукавовъ Псла. Около нея находился бѣленькій домикъ съ зеленой желѣзной крышей. Здѣсь жила мельничиха. Насъ встрѣтила ея наймычка (прислуга). Мы всѣ, сколько насъ было, сошли съ линейки и отправились въ домикъ.

— Ну, что? спросила у наймычки тетя.—Какъ Лазарь? Все еще хвораетъ.

Наймычка пожала плечами.

— И хворае, и ни (и хвораетъ, и нѣтъ), отвѣтила она.

Мы вошли.

— А гдѣ-же Настасья Карповна? спросила тетя.

— Какъ уѣхала на базаръ, да такъ и не возвращалась еще, отвѣтила наймычка.

Во всемъ домѣ Лазарь былъ одинъ. Мы застали его въ спаленкѣ. Онъ сидѣлъ на деревянной кровати съ одѣяломъ, спитымъ изъ кусочковъ всевозможныхъ рисунковъ ситца и, подобравъ подъ себя ножки, вырѣзалъ изъ газеты буквы. Онъ былъ такъ худъ, что, казалось, его тѣло свѣтилось насквозь. Отъ того, что щеки его были блѣдны, его темные глаза казались еще темнѣе. Завидѣвъ насъ, онъ отнялъ отъ газеты глаза и лицо его озарилось вдругъ улыбкой. Онъ узналъ тетю.

— Ну, здравствуй, Лазарь—подъ небесами лазаль! сказала Юрьевна.

— Здравствуйте, тетенька, отвѣтилъ онъ.

— Какъ твое здорovie? спросила его тетя.

— Хорошо...

— Оно и видно, что хорошо... проворчала Юрьева.—Однѣ только кости да кожа... Не присылала еще мать письма?

Мальчикъ опустилъ голову и на рѣсницахъ у него засвѣтились слезы.

— Нѣтъ... чуть слышно отвѣтилъ онъ.

Мнѣ стало жалко Лазаря. Я подсѣла къ нему на кровать и спросила его:—Зачѣмъ онъ вырѣзаетъ буквы? Онъ вскинулъ на меня свои большіе глаза и не нашелся, что сказать.

— Такъ... отвѣтилъ онъ.

— Приѣзжай къ намъ въ гости, продолжала я.—У насъ поспѣли уже груши и вишни... Кромѣ того, мы привезли съ собой изъ Москвы еще много игрушекъ! Приѣдешь?

Онъ посмотрѣлъ на тетю и нерѣшительно отвѣтилъ:—Хорошо!

Тетя подозвала къ себѣ наймычку.

— Гарпина, сказала она,—вотъ что! Когда вернется съ базара Настасья Карповна, то ты скажи ей, чтобы она перевезла Лазаря ко мнѣ. Теперь онъ будетъ жить у меня. Скажи ей, что ко мнѣ изъ Москвы приѣхали племянники, такъ

пусть переѣзжаетъ и онъ. А то что ему здѣсь томиться одному! Чтобъ обязательно сегодня-же его привезли!

Мы простились съ Лазаремъ, вышли изъ домика и стали усаживаться на линейку. Мнѣ жаль

Дома насъ ожидалъ сюрпризъ: кошка Мурка откуда-то принесла въ зубахъ двухъ своихъ котятъ, пестренькаго и черненькаго, и положила ихъ среди пола. Они были уже зрячими и тотчасъ-же принялись между собою играть.

— Не отдамъ!

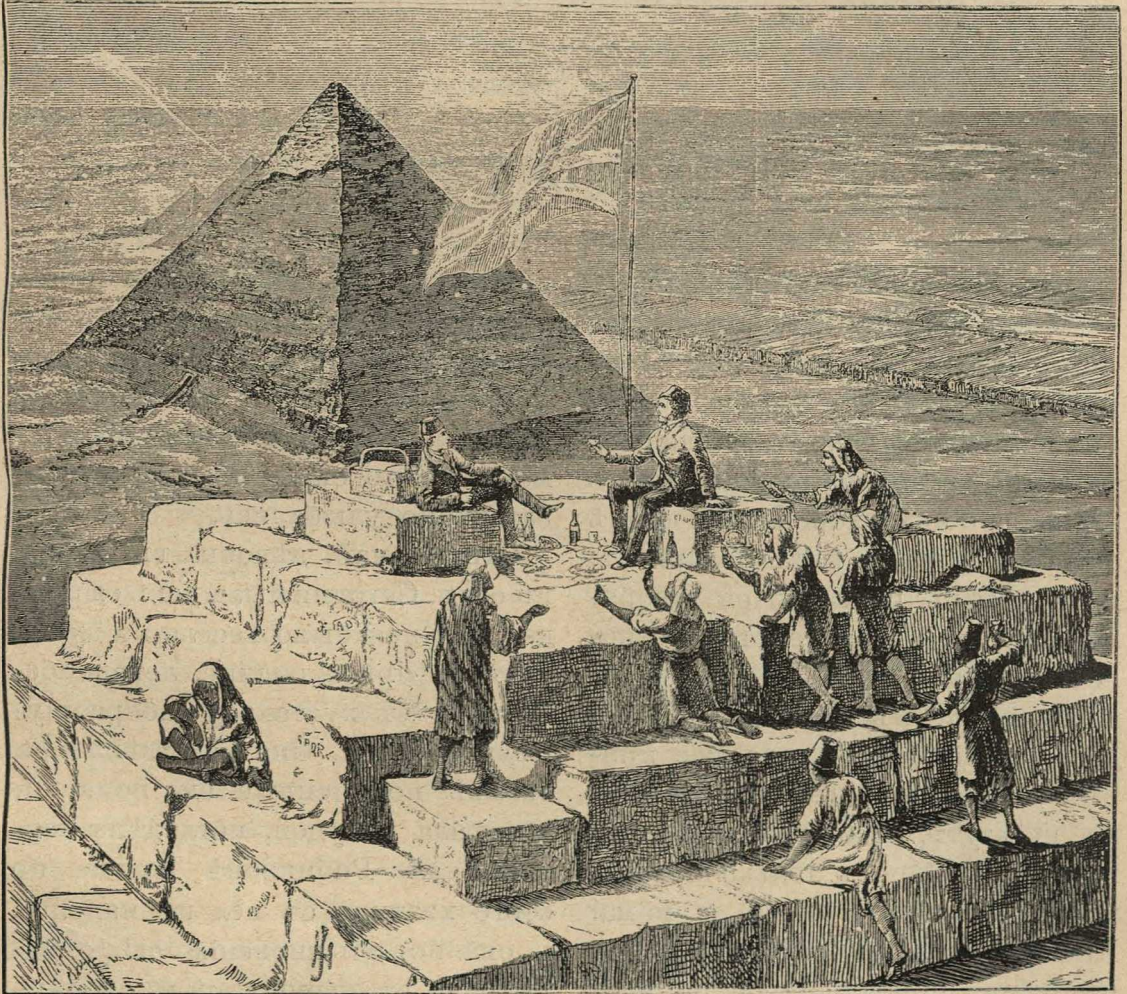
было оставлять больного одного и хотѣлось, чтобы и онъ поѣхалъ съ нами сейчасъ-же. И я долго еще смотрѣла на удалявшійся отъ насъ бѣленькій домикъ и видѣла, какъ въ окно на насъ глядѣлъ Лазарь и своими большими, печальными глазами провожалъ насъ домой.

— Какіе хорошенькіе! воскликнула Ниночка и забрала ихъ обоихъ къ себѣ въ фартукъ.— Они будутъ мои. Я буду ихъ кормить и... учить. Они у меня будутъ настоящіе.

Мальчики окружили котятъ, кошка тутъ-же вертѣлась около

нихъ и томно мяукала; затѣмъ всѣ они побѣжали столовую поить котятъ молокомъ. Но меня занималъ вопросъ: откуда могла кошка при-

на этомъ дубу! И все она тамъ выводитъ своихъ котятъ! Выкормитъ ихъ тамъ, а потомъ и приноситъ ихъ уже зрячими сюда!

На вершинѣ Египетской пирамиды.

нести своихъ котятъ? Гдѣ они у нея родились?

И на этотъ вопросъ мнѣ отвѣтила Юревна.

— Какъ гдѣ? сказала она.—Да въ старомъ грачиномъ гнѣздѣ вотъ

Для меня это было новостью. Кошка—и вдругъ выводитъ своихъ котятъ въ грачиномъ гнѣздѣ на дубу!

И я долго еще ходила вокругъ этого дуба, глядѣла на грачиное

гнѣздо и все боялась, какъ-бы а это значило, что въ грачиномъ кошка не оставила тамъ третьяго гнѣздѣ уже больше не оставалось изъ своихъ котятъ. Но она такъ никого.

и не влѣзала туда больше ни разу,

М.—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Ожидали дядю изъ Харькова и тетю изъ Москвы, ждали цѣлыя двѣ недѣли, но они такъ и не пріѣхали. Для Ани это было тѣмъ болѣе обидно, что этихъ дядю и тетю она не видала никогда, много слышала о нихъ хорошаго и кромѣ того ожидала отъ нихъ подарковъ: дядя хотѣлъ привезти ей говорящую куклу, а тетя настоящіе золотые часы.

Прошелъ мѣсяцъ. Наступалъ день рожденія Ани, она уже привыкла къ тому, что дядя и тетя не пріѣдутъ, и ее теперь волновалъ уже вопросъ только о томъ, что ей подарятъ папа и мама? Какъ разъ наканунѣ, ночью, папу разбудилъ почтальонъ и принесъ ему двѣ телеграммы. Аня спала и не слышала ни звонка, ни разговоровъ по поводу телеграммъ, а когда на утро проснулась, то около нея лежали кукольный чайный приборъ, маленькій рабочій несесеръ и книга „Робинзонъ Крузо“. Это было отъ мамы и папы. Она

вскочила, одѣлась, побѣжала въ столовую ихъ благодарить и все время, пока они сидѣли за столомъ, они какъ-то многозначительно переглядывались, повидимому что-то скрывали отъ Ани и загадочно улыбались.

Отпивъ чай, дѣвочка выбѣжала въ садъ. Сегодня былъ день ея рожденія, у нея было весело на душѣ; свѣтило яркое солнце, летали бабочки и въ кустахъ у забора шумѣли воробьи. Она разставила на скамьѣ полученные ею подарки, поиграла посудой, поглядѣла картинки въ Робинзонѣ Крузо, но этого хватило съ нея не надолго, и она по обыкновенію скоро заскучала съ игрушками и, бросивъ все, стала бѣгать по дорожкамъ. Цѣлые дни она проводила въ саду одна. Она была единственной дочерью, ее баловали, въ саду она была полной хозяйкой, но по несчастной случайности у нея не было сверстницъ подругъ и всѣ дни она проводила сама съ собой.

Ея друзьями были золотыя рыбки, плававшія въ акваріумѣ, стоявшемъ на террасѣ, канарейка въ клѣткѣ и красивый павлинъ, который часто приходилъ въ садъ, взбирался на заборъ и громко мяукалъ. Наигравшись съ ними, она цѣлыя часы слонялась взадъ и впередъ безъ дѣла, скучала, но не признавала своей скуки, а думала, что такъ было и надо. Часто, перевѣсившись черезъ заборъ, она глядѣла на улицу, считала прохожихъ и экипажи и въ этомъ занятіи иногда проводила довольно долгое время, пока ее не окликали изъ дома или не звали завтракать или обѣдать.

Такъ и теперь: наигравшись съ рыбками, канарейкой и павлиномъ, она взобралась на заборъ и стала глядѣть на прохожихъ.

„О чемъ это такъ переглядывались сегодня за чаемъ папа и мама?“ думала она. Но эта мысль не долго занимала ее. Ей на смѣну пришла другая мысль, которая показалась ей болѣе интересной.

„А что если я побросаю черезъ заборъ песку на прохожихъ?“

И она слѣзла съ забора, набрала съ дорожки полную горсть песку, снова взобралась на заборъ и стала выжидать.

Вотъ медленно плетется ломовой извозчикъ. Аня подождала, когда онъ поровнялся съ ней, и со всего размаха бросила въ него песокъ. Но лошадь и извозчикъ очевидно

уже привыкли къ подобнымъ сюрпризамъ, потому что не обратили на это ровно никакого вниманія и отправились своей дорогой. Затѣмъ проѣхалъ какой-то велосипедистъ. Аня и въ него бросила горсть песку, но онъ мчался такъ быстро, что даже этого вовсе и не замѣтилъ.

— Ничего! проговорила Аня. — Подождемъ еще кого-нибудь!

И дѣйствительно, скоро къ тому мѣсту, гдѣ она притаилась за заборомъ подошла нарядно одѣтая дама. На ней была модная широкополая шляпа съ большимъ страусовымъ перомъ, кружевная кофточка и желтенькія открытыя туфли.

— А ну-ка попробуемъ въ нее! проговорила Аня и изъ всѣхъ силъ швырнула въ нее горсть песку. Черное страусовое перо, кофточка и поля шляпы тотчасъ-же покрылись слоемъ желтовато-сѣраго налета. Дама быстро подняла голову, Аня не успѣла еще спрыгнуть съ забора на землю и ей показалось, что дама ее замѣтила. Но, постоявъ немного и страхнувъ съ себя пыль, дама снова отправилась вдоль забора въ сторону воротъ.

„Что, если она увидала, что это я?“ подумала Аня съ безпокойствомъ и снова выглянула на улицу черезъ заборъ. Но дамы уже не было. Очевидно, пройдя ворота, она свернула за уголъ и пошла своей дорогой.

Но вотъ идетъ какой-то очень приличный господинъ. На немъ длинный суконный сюртукъ и ярко лоснящійся, совершенно новенькій цилиндръ. Онъ держитъ подмышкой большую четырехугольную картонку, перевязанную розовой ленточкой. Онъ выступаетъ важно, съ сознаниемъ собственного достоинства и его цилиндръ такъ и блещетъ на солнцѣ. Завидѣвъ его, Аня притаилась, дала ему подойти поближе и затѣмъ обсыпала его съ головы до ногъ пескомъ. Онъ только вскрикнулъ „Ахъ!“, а затѣмъ снялъ съ себя цилиндръ, стрясъ песокъ изъ волосъ и изъ красиво расчесанныхъ бакенбардовъ и такъ какъ этого оказалось мало, то онъ положилъ свою картонку прямо на мостовую и полѣзъ въ задній карманъ за платкомъ. Доставъ его, онъ заботливо обмахнулъ имъ съ плечъ песокъ, а потомъ сталъ обтирать имъ со всѣхъ сторонъ цилиндръ.

— Какая неприятность! бормоталъ онъ.—Какъ это нехорошо!

И пока онъ стоялъ такъ у узенькаго тротуара и приводилъ себя въ порядокъ, изъ-за угла вдругъ съ громкимъ гудѣньемъ неожиданно выѣхалъ автомобиль, повернулъ въ сторону господина и во весь духъ промчался мимо. Что-то хрупкое попало ему подъ колесо, хрустнуло и превратилось въ лепешку. Господинъ вздрогнулъ и

съ грустью посмотрѣлъ на автомобиль вслѣдъ. Около тротуара, на мостовой лежала сплюсненной его картонка.

— Какая жалость! покачалъ онъ со вздохомъ головой.—Какая жалость!

И надѣвъ цилиндръ и подобравши остатки отъ картонки, онъ печально побрелъ своей дорогой.

Это очень заняло Аню. Она хотѣла было уже идти домой, какъ вдругъ увидѣла, что какъ разъ подъ самымъ заборомъ шелъ мальчикъ изъ кондитерской, несъ на головѣ красивый кремовый тортъ, а самъ читалъ газету. Аня взяла нѣсколько небольшихъ камушковъ и бросила ихъ съ высоты въ самый тортъ. Камушки пробили оболочку крема и потонули въ ней. Мальчикъ изъ кондитерской даже и не замѣтилъ этого и тоже пошелъ своей дорогой.

Аня спрыгнула съ забора на землю и, довольная своими подѣлками и уже уставшая отъ нихъ, отправилась вдоль дорожки сада.

— Чего-бы мнѣ подѣлать? задавала она себѣ вопросъ.—Чѣмъ-бы мнѣ заняться?

Но ей не пришлось долго затруднять себя рѣшеніемъ этого вопроса, потому что изъ дома прибѣжала вдругъ горничная и позвала ее скорѣе къ мамѣ.

— Идите скорѣе, барышня! сказала она.—Васъ зовутъ! Нужно поскорѣе переодѣться.

— Зачѣмъ? удивилась Аня. — Вѣдь я одѣта!

— Къ намъ пришли какіе-то важные гости... Мама зоветъ! Бѣгите скорѣе!

— Кто-же такіе?

— Да не знаю, право... Слыхала, что его зовутъ Николаемъ Борисычемъ, а ее Ольгой Ивановной... Приѣхали откуда-то издалека! Подарки вамъ привезли!

— Какіе подарки?

— Не знаю навѣрное, какіе, а ужъ видно по всему, что привезли!

Радостная и полная надеждъ, Аня помчалась со всѣхъ ногъ къ себѣ въ дѣтскую, быстро переодѣлась, поправила на себѣ волосы и, какъ благовоспитанная дѣвочка, вошла въ гостиную.

Тамъ дѣйствительно были гости.

— А вотъ и наша дочь Аня! сказали въ одинъ голосъ папа и мама. — Позвольте вамъ ее представить!

Аня покраснѣла до ушей. Это были та самая дама въ кружевной кофточкѣ и съ большимъ страусовымъ перомъ и тотъ самый господинъ въ черномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ, которыхъ она всего только десять минутъ тому назадъ обсыпала пескомъ. Это были тѣ самые тетя изъ Москвы и дядя изъ Харькова, которыхъ ея родители такъ долго ждали.

Дядя любезно улыбнулся, и потрепалъ дѣвочку по щекѣ, а тетя притянула ее къ себѣ и поцѣловала.

— Здравствуй, моя дорогая!.. сказала она...—Но, кажется, мы съ тобой уже видѣлись сегодня... Ты представилась мнѣ сама.

„Она узнала меня, подумала Аня.—Что теперь дѣлать?“

— Но, можетъ быть, я и ошибаюсь... продолжала тетя.—Во всякомъ случаѣ будемъ друзьями.

„Ну, слава Богу“, опять подумала Аня.—Она меня не узнала.“

Въ это время въ гостиную вошла горничная Катя.

— Завтракъ поданъ! возвѣстила она.

Всѣ отправились въ столовую и стали усаживаться за столъ. Завтракъ начался. Все шло своимъ чередомъ. Подали пирогъ, затѣмъ подали бульонъ и цыплятъ. Старшіе пили вино и поздравляли Аню. Дядя и папа все время вспоминали, какъ когда-то они вмѣстѣ служили въ полку, а тетя рассказывала, какъ все въ Москвѣ вздорожало и какіе плохіе тамъ теперь стали извошники. Потомъ мама и тетя разговорились о нарядахъ. Мамѣ очень понравилась шляпа на тетѣ и въ особенности страусовое перо.

— Полчаса тому назадъ оно было еще пышнѣе и красивѣе, сказала тетя и многозначительно посмотрѣла въ сторону Ани.

— Нѣтъ, она узнала меня... рѣшила Аня.

Подали десертъ. Это былъ тортъ съ кремомъ и со взбитыми сливками наверху. Аня взглянула на

него, да такъ и обомлѣла. Это былъ онъ, тотъ самый тортъ, въ который она бросила кучу мелкихъ камней! Какое ужасное совпаденіе!.. И Аня почувствовала, какъ дрожь пробѣжала у нея вдоль спины.

— Если-бы только я знала, подумала она, — что его несли къ намъ! И нужно-же было и дядѣ и тетѣ проходить мимо забора именно тогда, когда я бросала въ нихъ песокъ! Что мнѣ теперь дѣлать?

Первый кусокъ торта былъ положенъ дядѣ. Онъ поднялся, поднималъ стаканъ съ бѣлымъ виномъ и торжественно сказалъ:—

— За здоровье нашей дорогой виновницы торжества, которой исполнилось сегодня девять лѣтъ!

Всѣ чокнулись съ нимъ, выпили вино, поздравили Аню и усѣлись снова. Дядюшка принялся за тортъ, но едва только онъ взялъ въ ротъ первый кусокъ, какъ послышался хрустящій звукъ, онъ выплюнулъ его обратно и приложилъ платокъ къ губамъ.

— Подождите! Не ѣшьте! воскликнулъ онъ.—Этотъ тортъ съ пескомъ! Я сейчасъ только чуть не сломалъ себѣ зубъ!

— Да, да!.. подтвердила и тетя.— Тортъ превосходенъ, но въ немъ цѣлая мостовая. Но не въ бисквитѣ, а въ кремѣ и въ сливкахъ. Несомнѣнно, это кто-то бросилъ въ него горсть песка сверху!

Аня вспыхнула и опустила глаза.

Ей хотѣлось-бы провалиться сквозь полъ или по крайней мѣрѣ сидѣть не за столомъ, а подъ столомъ, чтобы ее не видалъ никто. Мамѣ было неловко и она извинялась, папа заявилъ, что онъ этого такъ не оставитъ и притянетъ кондитера къ суду.

— Это ему такъ не пройдетъ! заявилъ онъ.— Я ему этого не спущу!

Но затѣмъ всѣ успокоились и перешли въ гостиную. Стали пить кофе и разговаривать на самыя разнообразныя темы. А затѣмъ гости поднялись и стали прощаться.

— Пора, пора!.. сказалъ дядя.— Я пріѣхалъ сюда только на одинъ день, а стѣлько еще дѣлать впереди!

Онъ раскланялся со всѣми и направился къ двери. Увидѣвъ Аню, которая ни жива, ни мертва сидѣла въ уголку, онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ и сказалъ:—

— Прости меня, дорогое дитя,— я долженъ былъ-бы тебѣ что-нибудь подарить, но это не удалось... Я несъ тебѣ прелестную куклу изъ Парижа... Она была одѣта въ превосходное шелковое платье, открывала и закрывала глаза и, стоило только нажать ее въ животикъ, какъ она говорила „папа“, „мама“ и даже плакала. Прямо нѣчто удивительное! Мнѣ прислали ее изъ Парижа по спеціальному заказу... Но, къ несчастію, кто-то бросилъ въ меня пескомъ, я положилъ

ящикъ съ куклой на мостовую и пока приводилъ себя въ порядокъ, неожиданно промчался мимо автомобиль и раздавилъ ее въ мелкіе куски. Такая, право, досада!.. Вѣрь, дитя мое, что если-бы не этотъ случай, то я не явился-бы къ тебѣ съ пустыми руками.

И онъ вновь раскланялся со всѣми и ушелъ.

Вслѣдъ за нимъ отправилась и тетя. Простившись съ папой и мамой и уходя, она также замѣтила Аню въ уголкѣ и подозвала ее къ себѣ.

— Одно только слово, мой ангель, сказала она.

Не слыша подъ собою ногъ, Аня подошла къ ней. Тетя порылась въ карманѣ, достала оттуда футляръ и открыла его. Въ немъ лежали настоящіе золотые часы съ драгоценными камешками на крышкѣ и тоненькая золотая цѣпочка.

— Какъ тебѣ нравится это? спросила она у Ани.

У Ани засверкали отъ радости глаза.

— Прелестно! отвѣтила она.— Это, тетя, мнѣ?

— Все таки эти часы тебѣ нравятся?

— Очень...

— Ну, и оставайся ни съ чѣмъ!

Тетя закрыла футляръ, щелкнула его замкомъ и положила его обратно къ себѣ въ карманъ. А затѣмъ она подняла голову и холодно сказала:—

— Этотъ подарокъ предназначался для тебя!

И сдѣлавъ общій поклонъ, она вышла изъ гостиной.

Аня стояла у двери и чувство невыносимаго стыда наполнило вдругъ все ея существо. Она громко взвизгнула, залилась слезами и побѣжала къ себѣ въ дѣтскую. Папа и мама съ безпокойствомъ посмотрѣли ей вслѣдъ и не понимая, въ чемъ дѣло, только молча переглядывались между собой и въ недоумѣніи пожимали плечами.

По J. Peltier.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы два слова: рогатый звѣрь и дерево. Оба вмѣстѣ—они составляютъ названіе рыбы. Въ серединѣ этого названія есть то, что бываетъ въ телѣгѣ.

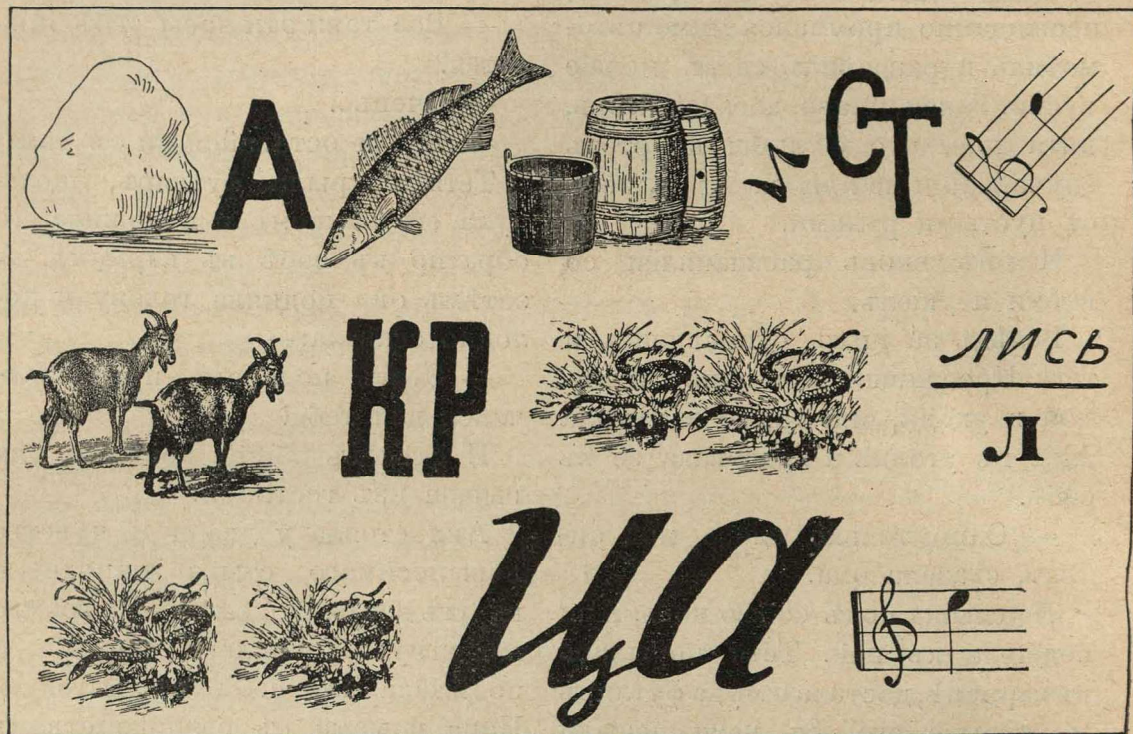
□ Какая это рыба?

II.

Въ сараѣ, на чердакѣ, сидѣли на балкѣ двѣ совы. Случился пожаръ, сарай сгорѣлъ, чердакъ провалился и совы упали на землю.

Что при этомъ случилось?

Ребусъ № 17.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1912 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.“

↔ ∞ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ∞ ↔

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.
∴ При каждомъ номерѣ приложенія. ∴

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія четвертый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растеній, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ: въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, для городскихъ подписчиковъ: въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Кромѣ того, подписка принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

